

Нет автора

Русская старина

1894. 10_12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1894. 10_12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 816 с.

ISBN 978-5-458-02830-1

ISBN 978-5-458-02830-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой.

IX¹).

1856—1860 г.

Жизнь въ Лондонѣ.—Ворцель.—Саффи и его бракосочетаніе.—Юноша А. А. Герценъ —Дворовые князя Ю. Н. Голицына въ Лондонѣ.—„Записки императрицы Екатерины II“.—Домашній обиходъ.—Прислуга.—В. Н. Чичеринъ.—Переѣздъ въ Park-house, за Путнейскій мостъ.—Дома въ Лондонѣ и ихъ внутреннее устройство.—Домашнія приключенія.—Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ и его концерты.—И. С. Тургеневъ и его „Фаустъ“.—Пріемъ посѣтителей.—Докторъ Девиль.—Фурьеристы.—Европеусъ съ женой.—Г. Е. Влагосвѣтловъ.—„Записки княгини Екатерины Романовны Дашковой“, въ русскомъ переводѣ.—Сергій Петровичъ Боткинъ.—Александръ Серно-Соловьевичъ.

Я мало рассказывала еще о замѣчательныхъ личностяхъ разныхъ эмиграцій, съ которыми познакомилась въ Лондонѣ.

Между прочими, вспоминаю всѣми глубоко уважаемаго и любимаго польскаго эмигранта Ворцеля. Вѣроятно послѣ революціи 30-го года, онъ покинулъ Польшу, тамъ онъ оставилъ громадныя помѣстья, за его отсутствіемъ доставшіяся его малолѣтнимъ сыну и дочери. Впослѣдствіи сынъ поступилъ въ русскую службу, почему Ворцель никогда не поминалъ о немъ. Небольшаго роста, худощавый, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, онъ казался весь поглощенъ заботами о своемъ отечествѣ, о нуждахъ соотечественниковъ-эмигрантовъ. Онъ былъ главой польской демократической партіи въ Лондонѣ. Рѣдко образованный, начитанный, очень симпатичный, съ изящными привлекательными манерами, Ворцель казался старѣе, чѣмъ былъ, такъ эта жизнь полная всякихъ лишеній и жертвъ кладеть свою печать на эмигрантовъ.

См. „Русск. Стар.“ сентябрь, 1894 г.

*

Ворцель ничего не требовалъ и не получалъ отъ своихъ дѣтей, онъ жилъ уроками математики, которую зналъ въ совершенствѣ. Года черезъ полтора послѣ нашего прїѣзда въ Лондонъ, по разстроенному здоровью, по упадку силъ, Ворцель былъ вынужденъ прекратить свои занятія. Онъ былъ очень друженъ съ Мадзини, вождемъ итальянской демократической партіи, и пользовался большимъ уваженіемъ со стороны англійскихъ революціонеровъ; имѣлъ даже друзей между ними. Нѣкоторые изъ нихъ поддерживали Ворцеля, когда уроки математики прекратились. Они помѣстили Ворцеля на квартиру къ г-ну Тейлеру, весьма симпатизирующему уже сильно больному вождю польской демократіи. Тейлеръ окружилъ Ворцеля возможнымъ комфортомъ и доставилъ ему медицинскую помощь. Получая на всѣ нужныя для больнаго издержки деньги отъ его англійскихъ друзей, а иногда и отъ Герцена, онъ старался скрыть отъ Ворцеля, что послѣдній живетъ на чужой счетъ. Быть можетъ, Ворцель и догадывался, но ему нечего было дѣлать, болѣзнь не позволяла ему зарабатывать, какъ прежде; тогда онъ дѣлился каждой копѣйкой со своими соотечественниками. Впрочемъ, пламенный польскій патриотъ и страдалецъ недолго пролежалъ. Его болѣзнь заключалась преимущественно въ глубокомъ отчаяніи относительно родины. Эмиграція тоже не могла его радовать: онъ видѣлъ въ ней (какъ и во всѣхъ эмиграціяхъ) бездѣйствіе, зависть, клеветы; утѣшительнаго ничего не было.

Герценъ любилъ бесѣдовать съ Ворцелемъ; онъ сталъ часто навѣщать его. Чувствуя близкую разлуку, Герценъ желалъ показать умирающему все уваженіе и симпатію, которыя всегда питалъ къ нему.

Ворцель былъ глубоко признателенъ за эти почти ежедневныя посѣщенія. Когда мы узнали, что Ворцель скончался, Герценъ, Огаревъ и я пошли съ нимъ проститься. Онъ лежалъ въ гробу на высокой скамьѣ въ своей крошечной комнаткѣ, изъ которой мебель была вынесена. Видъ этой пустой комнаты, печальный, кроткій обликъ покойника,—все производило удручающее впечатлѣніе, невольно думалось: «вотъ, гдѣ этотъ пылкій умъ успокоился, отказался отъ невольныхъ надеждъ, которыми жилъ и которыя въ немъ боролись съ глубокимъ отчаяніемъ!» По нашему славянскому обычаю, я поцѣловала въ лобъ Ворцеля, и мы поспѣшили выйти на свѣжій

воздухъ: намъ было всѣмъ тяжело, и всего тяжелѣе было сознаніе, что онъ умеръ далеко отъ родины—послѣднія минуты изгнанниковъ должны быть ужаснѣе многихъ десятковъ лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи. На другой день были похороны Ворцеля. Герценъ и Огаревъ проводили, въ рядахъ польской демократіи, послѣдняго ея вождя. Съ тѣхъ поръ она не имѣла ни главы, ни единства, по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ.

Саффи продолжалъ посѣщать насъ, пріѣзжая изъ Оксфорда по субботамъ и оставаясь до воскресенья вечера. Рассказывая намъ о жизни Саффи, Герценъ передавалъ намъ, что онъ много лѣтъ назадъ былъ очень влюбленъ въ одну молодую дѣвушку изъ англійскаго аристократическаго дома и хотѣлъ на ней жениться. Крауфордъ, отецъ молодой особы, называемой «Жеоржиной», былъ англійскимъ посланникомъ въ Италіи въ продолженіе двадцати лѣтъ; Жеоржина родилась во Флоренціи, провела тамъ дѣтство и первые годы молодости, и хотя говорила отлично по-англійски, но душой была итальянка. Въ 1848 году она познакомилась съ Мадзини и увѣровала въ его взгляды на всю жизнь, сдѣлалась страстной итальянской патріоткой и не менѣе страстной деисткой ¹⁾. Видясь у знакомыхъ съ Мадзини, Жеоржина обратила вниманіе на его молодаго друга и сподвижника, Ореліо Саффи, который часто сопровождалъ его. Молодые люди понравились другъ другу и даже позже почувствовали взаимную симпатію, но Жеоржина предвидѣла большія препятствія къ ихъ счастью со стороны отца. Дѣйствительно, Крауфордъ оказался непреклоненъ: онъ находилъ невозможнымъ бракъ съ иностранцемъ, вдобавокъ съ революціонеромъ; что касается до аристократическаго происхожденія, то Саффи тоже принадлежалъ къ аристократіи своей страны и носилъ титулъ графа, но, относясь съ отвращеніемъ ко всѣмъ аристократическимъ отличіямъ, онъ подписывалъ: «графъ Саффи» только на дѣловыхъ бумагахъ и вообще никогда не поминалъ о своемъ аристократическомъ происхожденіи. Годы проходили, а Крауфордъ не смягчался. Саффи терялъ терпѣніе, ссорился съ своей невѣстой, иногда не бывалъ въ домѣ Крауфродовъ въ продолженіе цѣлаго года. Жеоржина называла это мало-

¹⁾ Мадзини проповѣдывалъ „деизмъ“. Его девизъ былъ: „Dio e il popolo“.

душіемъ и все ждала согласія отца. Въ нашемъ домѣ произошло примиреніе Саффи съ его невѣстой. Сначала мать пріѣхала съ старшей дочерью, чтобъ познакомиться со мной; Герцена они давно знали, встрѣчали его съ Огаревымъ у Мадзини, у Мильнергинсонъ, изрѣдка Герценъ бывалъ и самъ у Крауффордъ. Жеоржина стала ѣздить къ намъ съ сестрой. Она была весьма образована и начитана, знала хорошо латинскій и греческій языки. Цѣль ихъ посѣщенія, конечно, заключалась въ надеждѣ встрѣтить у насъ Саффи и придти съ нимъ къ какому-нибудь заключенію. Послѣ многихъ свиданій между ними въ нашемъ домѣ, разнеслась хорошая вѣсть: хотя и очень неохотно, Крауффордъ далъ свое согласіе на бракъ меньшей дочери съ Саффи. Несмотря на двадцать девять лѣтъ, Жеоржина была очень симпатична: у нея были тонкія, правильныя черты лица, темносиніе глаза ея были исполнены ума и смотрѣли привѣтливо.

По случаю ея брака, я видѣла настоящую англійскую свадьбу. Старшая дочь Герцена, тогда лѣтъ четырнадцати, была приглашена, въ качествѣ *demoiselle d'honneur*, всего было десять очень молоденькихъ дѣвицъ, которыя, въ бѣлыхъ платьяхъ и бѣлыхъ вуаляхъ, должны были сопровождать невѣсту въ англійскую церковь. Жеоржина была тоже въ бѣломъ легкомъ платьѣ, съ вуалемъ на головѣ, это было воспоминаніе Италіи; въ Англии дѣвушки вѣнчаются въ шляпахъ, и сопровождающія ихъ дѣвицы — тоже въ шляпахъ. Имѣя съ дѣтства отвращеніе къ праздникамъ, я должна была однако уступить настоятельной просьбѣ Жеоржины и быть на ея свадьбѣ. Въ назначенный день, въ десять часовъ утра, я поѣхала къ Крауфордъ съ маленькой дочкой Герцена Ольгой; тамъ собралось уже очень много посѣтителей. Крауфордъ, въ черномъ фракѣ, встрѣчалъ каждого гостя у дверей салона; видъ его былъ холодный и сосредоточенный, какъ всегда. Мать и сестра невѣсты, всегда разговорчивыя и очень предупредительныя, казались озабочены и печальны, — разлука съ Жеоржиной была для нихъ очень тяжела. Наконецъ невѣста, совсѣмъ убранная, явилась въ гостиную въ сопровожденіи приглашенныхъ дѣвицъ. Саффи тоже пріѣхалъ съ нѣсколькими друзьями; въ гостиной находились еще братья невѣсты: старшій Эдуардъ, высокій, красивый мужчина, который впо-

слѣдствіи наслѣдовалъ маіоратъ и засѣдалъ въ палатѣ лордовъ; изъ остальныхъ братьевъ, одинъ былъ военный, другой искатель дѣятельности, которой не нашель; оба они, болѣе или менѣе, бѣдствовали. Жеоржина съ сестрой тоже ничего не получили отъ родителей; старшая осталась дѣвицей. Впослѣдствіи, какая-то тетка оставила имъ обѣимъ по пяти тысячъ франковъ. Въ это время, Саффи тоже ничего не имѣлъ, онъ былъ изгнанникъ и жилъ только жалованіемъ, получаемымъ отъ Оксфордскаго университета. Бракъ Жеоржины былъ основанъ не на расчетѣ, а на обоюдной симпатіи и на рѣшимости вмѣстѣ нести крестъ жизни. Много лѣтъ спустя, Саффи получилъ въ наслѣдство отъ дяди маленькое помѣстье съ домикомъ, возлѣ города Форми, гдѣ и поселился съ семействомъ.

Возвращаюсь къ моему разсказу: когда всѣ были въ сборѣ, Крауфордъ подалъ руку невѣстѣ и повелъ къ каретѣ; за нимъ все общество спѣшило на крыльцо, — экипажи подвезли насъ всѣхъ къ церкви; Крауфордъ ввелъ дочь подъ руку и проводилъ ее до мѣста, гдѣ стоялъ уже женихъ, поклонился ему и отошелъ. Пасторъ спросилъ жениха и невѣсту, согласны ли они на этотъ важный шагъ въ жизни? Выслушавъ ихъ отвѣтъ, сказалъ имъ краткую наставительную рѣчь, надѣлъ имъ кольца и благословилъ ихъ: невѣста стала на колѣни, женихъ послѣдовалъ ея примѣру. Помолясь мысленно, они встали, и Саффи повелъ жену подъ руку къ выходу. Они отправились записывать бракъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, потомъ возвратились въ домъ невѣсты, прямо на верхъ: тамъ былъ приготовленъ для нихъ небольшой завтракъ. Жеоржина надѣла дорожное темное платье; вѣроятно, родные прощались съ ними на верху. Но гости, которыхъ было очень много, толпились въ двухъ смежныхъ салонахъ; столы были покрыты яствами, фруктами, сластями и винами всѣхъ возможныхъ сортовъ — недоставало только одного мѣста; было ужасно тѣсно, только нѣсколько пожилыхъ дамъ сидѣли, молодыя дамы, мужчины кушали стоя, короткіе знакомые и родственники угощали, подавали шампанское, всѣ пили за счастье и благополучіе молодыхъ, поздравляя родныхъ. Потомъ сдѣлалось движеніе въ толпѣ гостей; всѣ поспѣшили къ выходной двери: молодые спускались по лѣстницѣ къ ожидающему ихъ эки-

пажу; гости, стоя въ дверяхъ, обмѣнивались съ ними поклонами, поздравляли ихъ, болѣе близкіе къ нимъ жали имъ руки.

Я забыла сказать, что, незадолго до этой свадьбы, Герценъ рѣшился отправить сына въ Женеву; ему хотѣлось, чтобъ молодой человѣкъ, живя отдѣльно отъ семьи, приобрѣлъ немного независимости въ чистомъ почти горномъ воздухѣ швейцарскихъ городовъ и продолжалъ уже самостоятельно болѣе серьезныя занятія. Во время посѣщенія въ Лондонѣ разныхъ, вольныхъ курсовъ, А. А. Герценъ былъ всегда первымъ на экзаменахъ, получилъ серебряную медаль и золотую, и разные лестные отзывы отъ читающихъ лекціи. Не помню всѣхъ предметовъ, изученныхъ имъ, но знаю, что онъ особенно занимался естественными науками, физикой, химіей и къ рожденію Герцена дѣлалъ вмѣсто сюрприза наглядные опыты, читалъ намъ лекціи съ очень ясными толкованіями, которыми его отецъ оставался очень доволенъ. Когда Герценъ отправилъ сына въ Женеву, онъ послалъ его къ извѣстному натуралисту Карлу Фогту, съ которымъ былъ коротко знакомъ еще въ Ниццѣ. Пробывъ съ полгода въ Женевѣ, А. А. переѣхалъ въ Бернъ, въ домъ старика Фогта, отца знаменитаго натуралиста. Тамъ А. А. поступилъ въ университетъ, и, мнѣ кажется, пробылъ въ немъ года четыре, постоянно переписываясь съ отцомъ, который въ письмахъ постоянно напоминалъ о занятіяхъ, о чтеніи.

Пріятель Герцена, докторъ Девиль, всегда говорилъ, что это необыкновенное счастье для А. А. имѣть такого требовательнаго отца. Раза два А. А. пріѣзжалъ повидаться съ семьей, это была большая радость, особенно для его старшей сестры, которая очень тосковала послѣ его отъѣзда; вообще, отсутствіе его придавало какую-то типину всему дому.

Однажды Герценъ получилъ по городской почтѣ письмо на русскомъ языкѣ, очень оригинальное, очень безграмотное — отъ дворовыхъ людей князя Юрія Николаевича Голицына. Послѣдній отправилъ служащихъ прямо въ Англію, а самъ, по ихъ словамъ, ѣхалъ въ Лондонъ черезъ Константинополь; на это, говорили они, у него были причины. Его прислуга, состоящая изъ пяти человѣкъ, пришла въ отчаяніе: князя еще нѣтъ, денегъ нѣтъ, кредита нѣтъ, и всѣ они ни слова не знаютъ по-англійски. Но міръ не

безъ добрыхъ людей: какъ-то они узнали про Герцена, что онъ живетъ въ Лондонѣ, богатъ, добръ, жалѣетъ людей и пр. Все это было выражено въ письмѣ; читая это посланіе, Герценъ много смѣялся, но тотчасъ отправился въ Лондонъ, розыскалъ писавшихъ, помѣстилъ ихъ въ дешевый пансіонъ, далъ имъ денегъ на необходимыя издержки и поручилъ ихъ Тхоржевскому, къ которому они могли обращаться въ случаѣ недоразумѣній. Эти простые люди, успокоенные Герценомъ, ободрились, сердечно его благодарили и спокойно дождались князя Юрія Николаевича Голицына, который прибылъ только два мѣсяца позже.

Въ это время пріѣхалъ къ Александру Ивановичу одинъ русскій, NN. Онъ былъ небольшого роста и слегка прихрамывалъ. Герценъ много съ нимъ бесѣдовалъ. Кажется, онъ былъ уже извѣстенъ своими литературными трудами. Теперь, когда его уже нѣтъ на свѣтѣ, я могу открыть тайну, которую знаю одна, могу рассказать о причинѣ, которая его привела въ Лондонъ. Послѣ его перваго посѣщенія, Герценъ сказалъ Огареву и мнѣ: «Я очень радъ пріѣзду NN, онъ намъ привезъ кладъ, только про это ни слова, пока онъ живъ. Смотри, Огаревъ, продолжалъ Герценъ, подавая ему тетрадь, это записки императрицы Екатерины II, писанныя ею по-французски; вотъ и тогдашняя орографія—это вѣрная копія». Когда записки императрицы были напечатаны, NN былъ уже въ Германіи, и никто не узналъ о его поѣздкѣ въ Лондонъ. Изъ Германіи онъ писалъ Герцену, что желалъ бы перевести записки эти на русскій языкъ. Герценъ съ радостію выслалъ ему одинъ экземпляръ, а черезъ мѣсяцъ переводъ былъ напечатанъ Чернецкимъ; не помню кто перевелъ упомянутыя записки на нѣмецкій языкъ и на англійскій, только знаю, что записки Екатерины II явились сразу на четырехъ языкахъ и произвели своимъ неожиданнымъ появленіемъ неслыханное впечатлѣніе во всей Европѣ. Изданія быстро разошлись. Многіе утверждали, что Герценъ самъ написалъ эти записки, другіе недоумѣвали, какъ онѣ попали въ руки Герцена. Русскіе стремились только узнать, кто привезъ ихъ изъ Россіи, но эта тайна, которую, кромѣ самого NN, знали только три человѣка, обучившіеся молчанію при Николаѣ I.

Я забыла сказать относительно характера Герцена, что онъ

былъ очень впечатлителенъ: вообще свѣтлаго, даже иногда веселаго и насмѣшливаго расположенія, онъ могъ, подъ какимъ-нибудь неприятнымъ впечатлѣніемъ, сдѣлаться внезапно мрачнымъ; такое настроеніе вызывалось особенно часто его разсѣянностью, которая въ ежедневныхъ мелочахъ жизни все возрастала; что касается до дѣлъ по типографіи, даже по денежной части, по всѣмъ вопросамъ, относящимся до разныхъ личностей, онъ никогда ничего не забывалъ и былъ очень аккуратенъ. Когда онъ отправлялся послѣ завтрака въ Лондонъ, казалось, онъ думалъ обо всемъ: готовыя письма и корректура, — все было подъ рукой, онъ прощался съ веселымъ видомъ, но, минутъ пять спустя, раздавался ужасный звонъ: это былъ Герценъ, но уже съ мрачнымъ взглядомъ и раздражительнымъ голосомъ. «Я все забылъ, — говорилъ онъ съ отчаяніемъ, — а теперь поѣздъ уйдетъ, пока я пойду опять на желѣзную дорогу».

— Да поѣзжай въ омнибусъ, говорилъ ему сынъ, невольно улыбаясь надъ его отчаяніемъ.

Всѣ бросались искать, бѣгали въ салонъ, гдѣ онъ писалъ, въ его комнату и возвращались иногда безъ успѣха, нѣтъ ни писемъ, ни корректуры! оказывалось иногда, что они въ его карманѣ: къ несчастію, кармановъ было много въ его сюртукѣ и въ плащѣ, надѣтомъ сверху отъ лондонской пыли, — тогда Герценъ еще болѣе сердился и принужденъ былъ идти чрезъ Фуламскій мостъ въ контору омнибусовъ; когда Герценъ, подходя къ ней, видѣлъ удаляющійся омнибусъ, приходилось тамъ ждать десять минутъ до отхода другаго омнибуса.

Разъ мнѣ случилось быть въ Лондонѣ съ Герценомъ для какихъ-то покупокъ. Онъ обратилъ мое вниманіе на молодого негра, который, въ одной изорванной блузѣ и нижнемъ платьѣ, отметалъ грязь передъ нами, подъ проливнымъ зимнимъ дождемъ. Негръ поклонился Герцену и попросилъ у него милостыню. Александръ Ивановичъ далъ ему мѣдныхъ денегъ и сказалъ мнѣ: «Намъ нуженъ служащій, не взять ли намъ этого негра, Жоржа?» — «Что же, отвѣчала я, это доброе дѣло». Герценъ не забылъ этого намѣренія. Черезъ нѣсколько дней, встрѣтивъ опять Жоржа, Александръ Ивановичъ спросилъ у него, не желаетъ ли онъ поступить къ намъ

въ домъ? Жоржъ ужасно обрадовался этому предложенію, тогда Герценъ написалъ карандашемъ нѣсколько словъ къ Тхоржевскому и далъ эту записку Жоржу. Побывавъ нѣсколько разъ въ банѣ по распоряженію Тхоржевскаго и надѣвъ платье, присланное Герценомъ, Жоржъ явился къ намъ настоящимъ джентльменомъ. Ему объяснили, въ чемъ состояла его должность: убирать салонъ и столовую, и отворять входную дверь, когда слышался звонокъ; эта послѣдняя обязанность была самая затруднительная — надо было узнать людей, инымъ никогда не отказывать, другимъ назначать часы, когда Герценъ былъ свободенъ, послѣ lunch'a всѣхъ принимать и пр. Понемногу Жоржъ привыкъ ко всему и очень изрядно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Въ нашемъ домѣ было постоянно три человѣка служащихъ: поваръ François, дѣвушка, убирающая комнаты и прислуживающая за столомъ, потомъ горничная постарѣе, которая водила дѣтей гулять и на уроки, и чинила бѣлье всѣхъ домашнихъ.

François (итальянецъ) былъ помощникомъ повара, когда Герценъ жилъ въ Ниццѣ. Онъ имѣлъ довольно непріятныя свойства, на примѣръ онъ не умѣлъ говорить ни на какомъ языкѣ, даже по-итальянски говорилъ плохо, такъ что надо было много труда или привычки, чтобъ понимать его рѣчь, составленную изъ смѣшенія англійскаго языка съ патуа ¹⁾ итальянскаго, вдобавокъ François не умѣлъ ничего купить и платилъ за все вдвое, но для Герцена онъ былъ живымъ воспоминаніемъ былого, потому-то онъ и взялъ его съ собой изъ Ниццы, когда переселился въ Англію съ сыномъ.

Сколько разъ Герценъ мнѣ рассказывалъ, что François ѣздилъ на пристань встрѣчать Луизу Ивановну ²⁾, когда случилось на пароходѣ то страшное несчастіе, въ которомъ погибли мать и сынъ Герцена.

Александръ Ивановичъ стоялъ съ женой у воротъ своего дома, ожидая появленія коляски, которая должна была привезти дорогихъ путешественниковъ. Завидя пустую коляску, они вскричали въ одинъ голосъ: «А гдѣ же они? Гдѣ наши?» François быстро

¹⁾ Мѣстное народное нарѣчіе.

²⁾ Мать Герцена.

сошелъ и приблизился къ Герцену. «Ихъ нѣтъ!» сказалъ онъ, отвернувшись отъ Герцена, чтобъ скрыть свое смущеніе, но послѣдній слышалъ дрожаніе, слезы въ его голосъ. Натали поблѣднѣла и тихо сказала, прижимаясь къ плечу мужа: «Александръ, я чувствую, что никогда ихъ не увижу болѣе!»

Въ отвѣтъ на это, Герценъ, стараясь успокоить ее, сказалъ, что это какое-то недоразумѣніе и что онъ самъ сейчасъ же поѣдетъ на пристань, но внутри ему было очень тяжело, онъ чувствовалъ какой-то щемящій страхъ, потомъ онъ шепнулъ François: «тушите огни въ саду и уберите игрушки съ прибора Коли» — сѣлъ въ ту же коляску и уѣхалъ. Для бѣднаго Коли были приготовлены разные сюрпризы, а его не было уже въ живыхъ!

Мнѣ кажется, что я уже описывала наружность François: маленькаго роста, съ крупными чертами лица и добродушными глазами, на видъ ему было за сорокъ лѣтъ. До поступленія къ намъ Жоржа, у насъ была housemaid ¹⁾ Maraia, очень свѣжая и красивая издали, но вблизи немного рябоватая. Она ходила всегда въ свѣтломъ, чистомъ, ситцевомъ платьѣ, а на маковкѣ носила очень кокетливо маленькій кружокъ изъ кружевъ, знакъ ея служебныхъ обязанностей. Всѣ англійскія хозяйки заставляютъ своихъ служанокъ носить на головѣ это кружево, для избѣжанія недоразумѣній. Maraia была кроткая и сдержанная, какъ всѣ англійскія горничныя, которыя держатъ себя съ достоинствомъ и очень далеко отъ господъ, поэтому я очень мало знала и не имѣла бы ничего о ней сказать, но тутъ предъ нашими глазами разыгрался романъ, котораго мы вовсе не замѣтили; старый François влюбился въ молоденькую Maraia и рѣшился на ней жениться, хотя онъ почти не говорилъ по-англійски, а она вовсе не понимала по-итальянски. Для этого François отпросился у Герцена съѣздить въ Италію будто бы повидаться съ родными, но, на самомъ дѣлѣ, чтобъ испросить позволенія у отца жениться на англичанкѣ. Вернувшись, онъ объявилъ Герцену о своемъ намѣреніи, женился и уѣхалъ съ женой на родину. Вотъ почему у насъ произошла перемѣна: Жоржъ поступилъ на мѣсто Maraia, а Jules поваромъ, вмѣсто François. Жоржу все

¹⁾ Горничная.